

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ. Мовознавство**КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ**

А.В. Батулина

*(кандидат филологических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)*

Статтю присвячено розгляду композиційно-стилістичних особливостей текстів релігійного дискурсу, комунікативною метою яких є опис індивідуального духовного досвіду автора.

The article is devoted to the compositional and stylistic peculiarities in the religious discourse. Their communicative goal is to describe the author's individual spiritual experience.

Общение в религиозной сфере все чаще привлекает к себе внимание филологов. Однако и сам объект исследования, и статус устной и письменной речи верующих остается неопределенным. По мнению Е.В. Бобыревой, «хронотопом религиозного дискурса является храм, его участниками – священнослужители и прихожане, а тематика общения ограничена богослужением, обрядами и их толкованием» [1, 13]. Согласно другой точке зрения, «сфера религии находится над функциональными стилями», поскольку «черты «религиозного стиля» проявляются во всех жанрах всех функциональных стилей без исключения» [2, 12].

Представляется, что приведенные мнения о сфере бытования религиозного стиля не исключают друг друга. Яркой приметой современной языковой ситуации, отмечаемой в работах по стилистике текста, является стирание границ между функциональными стилями: «начинают изучаться не жанры в рамках стиля, а типы текстов в разных сферах или дискурсах» [2, 11].

Настоящая статья посвящена определению композиционно-стилистической специфики одной из разновидностей религиозно-публицистической литературы, коммуникативной целью которой является описание индивидуального духовного опыта автора и его современников.

Анализируемые тексты, безусловно, обладают индивидуальными идиостилевыми особенностями. Однако при этом они сохраняют жанровое единство, обусловленное композиционной общностью: наличием в каждом из рассказов документальной информативно-повествовательной части и ее интерпретации как наглядного примера действия Промысла Божиего о людях; существованием обязательно воспроизводимых тематических блоков (авторского рассказа о процессе собственного воцерковления, о преображении персонажей после крещения, о чудесной помощи людям, исполняющим благословение духовника и др.). Воспроизводимой является сфера модальных компонентов авторской речи.

Образность и выразительность стиля изложения, приближение вербальной оболочки текстов к восприятию массовой аудиторией отчасти сближает «современный патерик» с текстами массовой литературы. Отличает его от последней присутствие в тексте четкой идеологической основы, проявляющейся и на композиционном, и на собственно языковом уровне.

Жанр таких произведений имеет синкретичную природу, что находит отражение в различных его номинациях. Так, сборник рассказов «Несвятые святые» архимандрита Тихона квалифицируется и как «сборник жизнеописаний подвижников благочестия нашего времени, собрание личных воспоминаний» [3], и как «“церковная литература”, в которой прихотливо переплетаются черты агиографии, мемуарной литературы, исторического анекдота и эссеистики» [4]. Сами авторы называют свои произведения «историями, документальными рассказами от первого лица, современным патериком» [5, 636], «записками очевидца» [6, 3].

На наш взгляд, «современный патерик» совмещает в себе, подобно другим публицистическим текстам, два типа коммуникативных целей: информационную (знакомство читателей с жизнью, бытом и традициями духовенства) и агитационную. Миссионерская

направленность текста реализуется, прежде всего, посредством самой фабулы рассказов и авторских комментариев к ним. Показательно название одной из глав книги Ольги Рожневой: *История про Гену, который потерял квартиру и работу, но чувствует себя счастливым человеком* [7, 40].

Анализируемый тип текстов имеет сходство с жанром проповеди, особенно с той ее разновидностью, которую архиепископ Аверкий (Таушев) называет «публицистической проповедью». Публицистическая проповедь, в отличие от традиционных разновидностей этого жанра, «берет своей исходной точкой не Слово Божие и веру Церкви, а «запросы современности» [8, 37].

Одно из основных направлений композиционно-стилистического анализа художественного текста, применимое и к произведениям публицистического стиля, – это определение функциональной нагрузки авторской речи и речи персонажей. Жанровая специфика текста может быть изучена также путем описания способов представления действительности в ее пространственно-временных характеристиках. Рассмотрим эти направления подробнее.

1. Исследование монологического и диалогического начала в художественной речи в отечественном языкознании связано с идеями акад. В.В. Виноградова об оппозиции «образа автора» и «системы речевых структур персонажей», в дальнейшем принявшей вид: «речь монологическая» – «речь диалогическая». С учетом функциональной нагрузки диалога персонажей С.Г. Ильенко предложила выделять три его разновидности: собственно-изобразительную, сюжетно-динамическую, декларативно-сентенционную.

Собственно-изобразительная функция «связана с необходимостью образной конкретизации ситуации и особенностей её участников»; сюжетно-динамическая функция – «с задачами развития сюжета»; наконец, диалог в его декларативно-сентенционной функции призван объективировать «обобщенный тип мировосприятия людей той или иной эпохи» [9, 505].

Изобразительная и сюжетно-динамическая функции диалога в «чистом виде» в религиозной публицистике практически не встречаются. В анализируемых текстах, помимо функции речевой характеристики и толчка развития сюжета, прямая речь является средством обнаружения уровня духовного развития персонажа:

- *Смотрите! Везде признаки антихриста! Крест попирают!*

Мне тычут в нос тапки, на подошве которых узоры в виде ромбиков.

- *Но это не кресты, это просто ромбики, сестры!* – говорю я успокаивающим голосом.

Взрыв негодования. Матушка возвышает голос:

- *Наивная! Вот таких антихрист и обольстит в первую очередь! Нужна бдительность!*

Покажите, покажите ей, как крест попирается! [7]

Жанр коротких историй не предполагает развернутой характеристики жизненных обстоятельств действующих лиц. Поэтому стилистическая маркированность реплик в диалоге, выполняющем собственно изобразительную функцию, нередко становится единственным источником сведений об их личности.

Стилистическое пространство персонажной речи разнообразно и полифонично: в нем присутствуют единицы, связанные с книжной речевой культурой, литературным синтаксисом и фразеологией (*подвизался, христианская кончина, почитал бесконечно, скорби*) и просторечные обороты (*я к такому не привыкшая, молодуха, братан, две мороженки*), а также социально маркированные выражения современной речи (*старый баклан, на юморе и на приколе, братки, салабоны, боевики, выходить в астрал* и др.).

Средством авторской характеристики персонажей «церковного круга» является наличие в их речи форм устной коммуникации, принятых в православной среде: *Помоги вам Господи! Господь тебя благословит* (при прощании), *Так уж Господь устроил* (объяснение чудесного негления мощей), *Царствие ей небесное* (при упоминании об умершей), несвойственной для светской литературы лексической сочетаемости (*гражданский Новый год, уточнение в миру, мирская карьера, выражаясь светским языком* и др.), прямых и скрытых цитат из Священного Писания. И.В. Бугаева называет языковые конструкции, «выражающие веру человека... в то, что все происходит по воле Божией», протективами. Употребление протектив в «современном патерике» составляет одну из особенностей авторской речи.

Диалог в декларативно-сентенционной функции в религиозной публицистике служит, прежде всего, цели обнаружения несовпадения церковного и светского миропонимания, вызванного незнанием церковного этикета и религиозных догматов. Реплики персонажей скреплены общей темой, но различаются в плане эмоционально-смыслового отношения к предмету обсуждения:

- *Нет, в православную Церковь я теперь ни ногой! Как-то раз мы проходили с подружкой мимо храма. Дай, думаю, зайдём. Только вошли, и тут же прямо к нам как направится священник, идет, да еще на нас дымящимся кадилом машет: мол, пошли отсюда, пошли! Вот я вас! Дым коромыслом! Ну мы отпрянули и – оттуда бегом. А за что он нас гнал?*

- *Так он кадил образу Божьему, который в вас, - пояснил мой муж.*

- *Вовсе не образу Божьему! Он замахивался! Ударить хотел! Выгонял! [10, 289].*

Одним из типичных языковых приемов, применяемых в диалоге сентенционного типа, является различие в способе номинации референтов собеседниками: *поп* и *батюшка*, *отпуск* и *отдых от Божией Матери*, *злой клерикал* и *добрейший отец Константин*:

- *Как я ее, самую последнюю, крестным знаменем, она аж скукожилась вся!...*

- *Что ты все – «я», «я», «я!» Это Господь их разогнал, Которому ты молилась! Воскрес и расточил! А зачем ты эту цыганку крестным знаменем осеняла? Ты что же – священник? [10]*

В приведенном примере демонстрация несовпадения модальных компонентов высказываний участников спора сочетается с функцией информативно-смыслового воздействия, исходящей от коммуникативного лидера диалога квалификации действий персонажа с позиции Церкви.

Этой же цели служит нарушение одним из собеседников речевых реакций, запрограммированных типом диалога:

- *Батюшка, - говорю архимандриту Гермогену, - благословите съездить в Вакнарву.*

- *Но вы же только что приехали в Пюхтицы, и вам полезней пожить в монастыре, - возразил он.*

- *Батюшка, но ведь так хочется! Очень прошу меня благословить [6].*

Благословение относится к числу перформативных, речеповеденческих речевых актов, не предполагающих эксплицирование мотивов священника, дающего благословение или отказывающего в нем, тем более – перечень аргументов «потребителя». Неуместность проявления настойчивости комментирует автор: *Позже, когда приходилось сталкиваться с людьми, творящими непотребства исключительно «по благословению», я воспринимала их уже как своих родименьких... [6]*

Авторы церковной публицистики стремятся не смешивать субъективное понимание религиозных концептов и их общепринятое толкование в духе святоотеческой традиции. Поэтому в том случае, если интерпретация отдельных положений христианского вероучения не является канонической, она сопровождается авторскими комментариями. Так, эпитеты *дерзновенно* и *без колебаний* смягчают категоричность высказываемых отцом Рафаилом суждений:

Неужели прекрасная, необозримая вселенная, беспредельное число миров созданы Богом только для нас, людей...?» - подумалось мне. Я поделился этими лирическими размышлениями со своими спутниками, и отец Рафаил тут же, дерзновенно и без колебаний, разрешил мои сомнения.

- *Разумной жизни, кроме Земли, больше нигде нет, - сказал он. И объяснил: - потому что, если бы она была где-то еще, господь обязательно открыл бы это Моисею, когда тот писал книгу Бытия... [5]*

2. Характеристика композиционно-стилевых способов изложения в религиозной публицистике определяется соотношением трех видов реализации темпорально-функциональной перспективы нарратива: демонстрационного, информационного и сентенционного.

Демонстрационный тип речи связан с детализированным представлением событий, развивающихся в незначительный промежуток времени. Информационный тип используется

для сжатого рассказа о событиях нескольких лет. Сентенционный тип обладает наименьшей плотностью предметного и событийного ряда – это «сентенция по поводу действительности, основанная на типичных фактах и типичных проявлениях в поведении людей» [9, 508].

Повествование, целиком основанное на пошаговом изображении действительности, лишённое авторских отступлений, практически не встречается в рассматриваемых текстах, поскольку оно не соответствует миссионерской направленности текста. В религиозной публицистике демонстрационный тип речи чаще всего сочетается с информационным и с сентенционным.

Каждый тип нарратива имеет свое языковое оформление: для демонстрационного типа речи характерны глагольные формы настоящего времени, для информационного – прошедшего времени. Информационному типу повествования свойственно наличие оборотов темпоральной семантики, в том числе – связанных с церковным календарем (*в советское время, постепенно, потом, в те годы, в XX веке, на Великий пост* и др.). Как было показано выше, композиционной особенностью демонстрационного типа повествования является его сопряженность с диалогом, обычно сопровождающимся авторскими комментариями.

В тематическом отношении информационный тип речи распадается на два неравноценных в количественном отношении типа композиционно-речевых автономий: встречающиеся эпизодически рассказы о жизни святых, об истории монастырей и монашестве и образующие сюжетную канву повествования биографические сведения об авторе и его современниках. Оба типа не «привязаны» к определенному «производителю речи» и могут включаться как в авторскую, так и в персонажную сферу:

- Матушка, - взмолился к ней странник, - болею я сильно. Помолись за меня!

Бабушка схимница тоже из простецов. Родила девятерых детей и всю жизнь проработала нянечкой в Доме престарелых... [6, 63]

Биографическая справка включается в текст лишь в тех случаях, когда она содержательно связана с сюжетом либо необходима для описания законов духовной жизни. Так, рассуждения Олеси Николаевой о последствиях человеческого своеволия иллюстрируются целой серией «случаев из жизни»:

... мой приятель Ленья Золотаревский мечтал стать баснословно богатым...

... Ленья Золотаревский сказочно разбогател, но у него украли ребенка и требовали за него выкуп. И когда он выкупил сына, тот сильно заикался, а сам Ленья вскоре умер от лейкемии. Врачи говорили: это все от перенесенного стресса [10].

Функцию экспликации авторских оценок могут выполнять диалог, конструкции с прямой речью и конструкции, которые С.Г. Ильенко называет несобственно персонажной речью: *... в 1986 году псковское партийное начальство привезло в монастырь высокого чиновника из министерства путей сообщения. Он оказался на удивление спокойным и порядочным человеком: не задавал идиотских вопросов о том, в каком корпусе живут жены монахов, не интересовался, почему Гагарин в космос летал, а Бога не видел* [5, 100].

В каждом из цитируемых текстов имеются совпадающие в идейном отношении фрагменты, репрезентирующие христианское понимание концептов: *случай, судьба, свобода, возмездие* и др. Ср.: *Если человек чего-то настойчиво хочет, причем во вред себе, Господь долго и терпеливо, через людей и обстоятельства жизни, отводит его от ненужной, пагубной цели. Но, когда мы неуклонно упорствуем, Господь отходит и попускает свершиться тому, что выбирает наша слепая и немощная свобода* [5, 630] и *... я ко всем этим исполнениям желаний отношусь с некоторой опаской. Все-таки просить надо с рассуждением и осторожностью, ибо не знаешь, что за крест выпрашиваешь себе...* [10, 125].

Композиционной особенностью большинства текстовых автономий, принадлежащих к сентенционному типу, является их прикрепленность к диалогу:

- А вот скажи тебе кто-нибудь: «Эй, поросенок, иди сюда!», ты как – смиришься или разгневаешься?

- Разгневаюсь, батюшка.

В монастыре умеют смирять. А как иначе? Вся жизнь пойдет прахом, и ничтожны все земные труды, пока не смирится перед Богом душа... [6]

Предварительные наблюдения над новым жанром «современного патерика», находящимся на стыке религиозного и публицистического дискурса, позволяют заключить, что, в целом сохраняя черты публицистического стиля, религиозная публицистика имеет свою жанровую специфику. Яркой композиционной особенностью текстов религиозной публицистики является использование декларативно-сентенционного типа диалога в функции характеристики светского и религиозного мировоззрения.

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: Ценности, жанры, стратегии: (На материале православного вероучения). – Волгоград, 2007.
2. Бугаева И.В. Язык православной сферы: Современное состояние, тенденции развития. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2010.
3. Воропаев В. Энциклопедия церковной жизни нашего времени // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/49744.htm>.
4. Монах Диодор (Ларионов), Мария Игнатъева. Чудеса в решетке: Рецензия на книгу архим. Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» // <http://e-continent.ru/electronic/kontingent/larionov-ignatyeva/2k1s2012/>.
5. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. – 2-е изд., испр. – М., 2011.
6. Павлова Н.А. Михайлов день (Записки очевидца). – М., 2012.
7. Рожнева О. Монастырские встречи. – М., 2012.
8. Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. – М., 2001.
9. Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. – СПб., 2003.
10. Николаева Олеся. «Небесный огонь» и другие рассказы. – М., 2012.